„МОЛОДЕЖЬ МОЛДАВИИ"
г. КИШИНЕВ
31 ИЮЛ 1975

Интервью ММ

СВОЯ ТЕМА

НАРОДНЫЙ артист СССР, лауреат Государственной премии, актер Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького Евгений ЛЕБЕДЕВ известен широкому зрителю прежде всего по телепостановкам «Записки сумасшедшего» А. Белинского, «Мещане» Г. Товстоногова, по кинофильмам «Последний месяц осени» В. Дербенева, «Странные люди» В. Шукшина, «В огне брода нет» Г. Панфилова. Им сыграно 32 роли в кино и 80 — в театре.

Во время недавних гастролей БДТ в Кишиневе наш общественный корреспондент встретился с артистом и попросил его ответить на несколько вопросов.

— Евгений Алексеевич, как Вам удается совмещать работу в театре и в кино? Не секрет, что Георгий Александрович Товстоногов принципиальный противник «второго состава», и Вы — почти каждый вечер на сцене.

— Хотя известность актеру приносит прежде всего кино, главным для меня всегда был, есть и останется театр. На съемочную площадку я выхожу только тогда, когда не занят у себя в БДТ. На роль, предложенную мне в фильме, соглашаюсь, если в ней, как говорят охотники, есть «манок». Она для меня интересна только в том случае, когда в ней заключена тема, близкая и созвучная той, что живет во мне.

— Какой же «манок» Вы нашли для себя, скажем, в роли старика из «Последнего месяца осени»? Как известно, за исполнение мужской роли в этом молдавском фильме Вы были удостоены высшей награды Международного кинофестиваля в Мар-дель-Плата (Аргентина) — Большого Южного Креста...

Этот старик прожил долгую и трудную жизнь и все-таки сохранил способность удивляться, искреннюю детскую любознательность. Он полон любви к детям, к человеку, к земле и ко всему, что на ней растет. Он мудр и спокоен. И вот подошла его зимняя пора — глубокая старость...

Сюжет фильма прост: старик навещает своих сыновей, едет от одного к другому—незамысловатая человеческая история. Как-то исподволь начинается в этом фильме разговор на извечную тему — зачем живет на земле человек? Этот серьезный философский разговор ведется без отвлеченной патетики, просто и обыденно.

Таким мне и открылся мудрый и поэтичный мир героя Иона Друцэ... А для того, чтобы вжиться в этот мир, в новую для меня среду, я, загримированный, ездил по Молдавии. Молдаване признавали меня за своего и очень дивились тому, что я не говорю по-молдавски, что я — артист из Ленинграда... Я до сих пор считаю роль старика одной из лучших моих работ в кино.

— Евгений Алексеевич, а где Вы себя все-таки лучше чувствуете — на съемочной площадке или на сцене театра?

— Если никто и ничто не мешает, одинаково свободно. Ведь законы построения образа, по-моему, одни и те же, разница — в технологии...

Кинематограф мне интересен прежде всего своим особым характером мышления, который ближе всего к литературе... Правда, то, что нашло точное выражение в слове, еще не всегда точно реализуется на экране. Думаю, что избежать потерь позволяет авторский «триединый» кинематограф: писатель, режиссер, актер — и все это в одном лице. Лучший пример тому — творчество Василия Шукшина.

— Вы встречались с Василием Макаровичем и на съемках фильма «Странные люди», и на репетициях спектакля «Энергичные люди». Каким Вы его запомнили?

— Поразительное у него было чувство ответственности за свое дело, дисциплинированности, основанной на творческом отношении к работе. ... Вообще, был очень застенчив, и только во время работы на съемочной площадке, во время репетиции эта застенчивость исчезала. Но и тогда он не становился режиссером, диктующим актеру: делай так. Легко и интересно с ним работалось, наверное, и потому, что сам он был человеком необычайно интересным.

Столько накопилось у него наблюдений, опыта, «сцен из жизни», что он не успевал их записывать. В перерывах между съемками Василий писал. Сядет где-нибудь в сторонке, согнувшись над листом, и не замечает ничего вокруг. Его жена Лидия Федосеева рассказывала, что на съемках фильма «Они сражались за Родину» он написал больше сотни рассказов.

Для меня Шукшин останется прежде всего талантливым писателем, а потом уже актером, режиссером. Я без иронии, хотя и в шутку, называл его «топорным» писателем, потому что его работа всегда напоминала мне труд мастера-зодчего по дереву, в чьих умелых руках топор создавал чудеса.

— Если бы Вам пришлось выбирать режиссера...

— Я выбрал его уже давно — это Георгий Товстоногов. А в кино хотелось бы работать с Андреем Тарковским, с Глебом Панфиловым.

— Ваша книга «Мой Бессеменов» стала событием в советской театральной литературе... А сейчас Вы тоже пишете?

— Да, пишу, но, знаете, боюсь говорить: а вдруг не получится...

Интервью вела
Л. ИШИМОВА.

Фото Ю. Зенина.